

В И Б Л И О Г Р А Ф І Я.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННЫХЪ ВОЕННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Первая книжка нѣмецкаго генеральнаго штаба «*Vierteljahrshefte*» даетъ окончаніе труда нынѣ покойнаго генераль-фельдмаршала графа Шлиффена—подъ заглавіемъ «*Канна*»—*Cannae* ¹⁾. Шлиффенъ видитъ въ этой знаменитой битвѣ изъ эпохи Пуническихъ войнъ прототипъ, идеальную форму сраженія. По его мнѣнію, вожди армій, поставленные въ условія, подобныя Аннибалу, обязаны, не колеблясь, воспользоваться положеніемъ, даже создать его тѣми же способами, какъ сдѣлалъ этотъ великій полководецъ, чтобы достигнуть побѣды. И авторъ подтверждаетъ это доводами, основанными на разсмотрѣніи военной исторіи двухъ послѣднихъ вѣковъ.

Условія, при которыхъ разыгралось сраженіе при Каннахъ, трудно конечно возстановить съ полною достовѣрностью; различные историческіе источники рисуютъ далеко неодинаково многія его подробности. Приходится считаться съ предположительными данными, и въ этомъ отношеніи авторъ довольно глубоко проникаетъ въ область гипотезъ съ цѣлью доказать свои положенія. Несмотря, однако, на нѣкоторую свободу въ распоряженіи фактами, посмертный трудъ Шлиффена представляетъ прежде всего огромный интересъ въ качествѣ отраженія взглядовъ высшаго нѣмецкаго командованія.

На равнинѣ при Каннахъ столкнулась армія Аннибала въ составѣ 50.000 человекъ, изъ коихъ 10 тысячъ было конниковъ, съ римскими легіонами Терентія Варрона и Павла Эмилиа силою въ

¹⁾ См. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1912 г., № 5, стр. 196 и 197.

63 тысячи пѣхоты и 6 тысячъ кавалеріи, не считая 10 тысячъ оставленныхъ для обороны двухъ римскихъ лагерей и не принявшихъ никакого участія въ бою.

Незвизрая на свою невыгодную позицію и численную слабость, Аннибалъ передъ сраженіемъ тревожилъ своими нумидійцами расположение римской арміи въ надеждѣ, что консулы вступятъ съ нимъ въ бой на мѣстности, благопріятной для дѣйствія его конницы—основной его силы. Но напрасно; римскіе военачальники хотѣли избѣжать боя, опасаясь встрѣчи съ кареагенской конницей, дѣйствія которой были столь рѣшительны у Тичино, подъ Требіей и у Тразименскаго озера. Наконецъ, 2-го августа Терентій Варронъ, движимый желаніемъ отомстить за неудачи и достигнуть рѣшительнаго успѣха, съ утра приказалъ развернуть у своего шатра пурпуровую тогу, какъ сигналъ предстоящаго сраженія. Предполагая воспользоваться своимъ значительнымъ численнымъ превосходствомъ въ пѣхотѣ (55.000 чел. противъ 32.000 чел.), онъ построилъ ее въ компактную и внушительную массу въ 1.600 человекъ по фронту и въ 36 рядовъ въ глубину.

Аннибалъ, въ свою очередь, на разсвѣтѣ, имѣя въ авангардѣ легкія войска, переправился черезъ р. Офидъ и, по мѣрѣ окончанія переправы, сталъ выстраивать боевой порядокъ. Тяжелой римской фалангѣ онъ противопоставилъ приблизительно равный фронтъ, 20 тысячъ иберійцевъ и галловъ, расположенныхъ въ глубину 12 рядами.

Римская кавалерія поровну была распределена по флангамъ, имѣя позади себя, въ качествѣ поддержки, легкую пѣхоту. Для нея намѣчалась встрѣча на лѣвомъ флангѣ съ значительною частью кавалеріи Аздрубала, на правомъ флангѣ—съ нумидійскими эскадронами Магарбала, опирающимися на 12 тысячъ африканцевъ, составлявшихъ два равной силы отряда по одному позади каждого изъ крыльевъ кареагенской арміи.

Обѣ стороны двинулись навстрѣчу другъ другу. Аздрубалъ съ яростью атаковалъ неприятельскую конницу и обратилъ ее въ бѣгство; затѣмъ, пройдя въ тылу римской пѣхоты, обрушился на кавалерію праваго римскаго крыла, которая вела вяло бой съ нумидійцами. Атакованная съ двухъ сторонъ римская кавалерія была обращена въ бѣгство и частью уничтожена. Тогда Аздрубалъ повернулъ противъ пѣхоты и ударилъ съ тылу по римской фалангѣ.

Въ то же время шелъ бой между обѣими пѣхотами. Галлы и иберійцы, плохо вооруженные и мало искусные въ рукопашномъ бою, не могли выдержать мощнаго удара римскихъ легионеровъ. Нослѣдніе наступали, но вскорѣ были охвачены съ фланговъ отрядами кареагенской пѣхоты, расположенными первоначально позади крыльевъ, которыя свернулись затѣмъ къ центру.

По разсказу Тита Ливія было нѣсколько иначе. Картегеняне, галлы и иберійцы не двигались будто бы противъ римлянъ, только легкія войска бросились впередъ. Судя по нынѣшней топографіи мѣстности поля сраженія, представляющей собою легкую всхолмленность, надо думать, что арміи были расположены на скатахъ по обѣ стороны водораздѣльнаго гребня; римляне, оттѣснивъ легкія войска, быстро перешли гребень и бросились на галловъ и иберійцевъ по противоположному спускающемуся скату. Это быстрое движеніе ихъ разрознило, и они были, въ свою очередь, при невыгодныхъ для нихъ мѣстныхъ условіяхъ, атакованы картегенскими войсками съ фланговъ и въ тылъ.

Фаланга остановилась и повернула фасъ во всѣ стороны... Началась свалка... Въ результатѣ спаслись только самъ Варронъ и нѣсколько кавалеристовъ. 48.000 труповъ римлянъ осталось на полѣ сраженія; оба ихъ лагеря, тысячи плѣнныхъ, огромная военная добыча попали въ руки побѣдителямъ, потерявшимъ только 6 тысячъ, преимущественно изъ числа союзныхъ войскъ.

«Такъ, восклицаетъ Шлиффенъ, вопреки всѣмъ правиламъ Клаузевица и Наполеона, Аннибалъ, слабѣйшій, принялъ мѣры, чтобы концентрически дѣйствовать противъ непріятели; онъ не только охватилъ оба непріятельскіе фланга, но онъ зашелъ и въ тылъ своему сильнѣйшему врагу и окружилъ его вполне».

Изъ оцѣнки этого классическаго сраженія авторъ дѣлаетъ обобщающіе выводы относительно прициповъ побѣды и указываетъ, что, несмотря на всѣ перемѣны въ военномъ искусствѣ за двѣ тысячи лѣтъ, эти принципы остались священны для тайны успѣха. Рѣшительное сраженіе, имѣющее цѣлью уничтоженіе непріятели, можетъ разыгратъ и сегодня въ духѣ битвы при Каннахъ. Какъ и тогда, объектомъ главной атаки долженъ быть избранъ не фронтъ непріятели и не противъ этого фронта надлежитъ массировать свои силы и сосредоточивать резервы. Нужно дѣйствовать противъ его фланговъ; отнюдь не пріурочивая удара къ флангамъ первой линіи, атака должна имѣть въ виду непріятельскіе резервы и устремляться насколько возможно глубже въ тылъ непріятельскаго расположенія. Уничтоженіе врага тѣмъ будетъ полнѣе, чѣмъ дальше будетъ направлено дѣйствіе атаки въ тылъ.

Во всѣ времена, говоритъ Шлиффенъ, были полководцы школы Аннибала. И авторъ выискиваетъ въ войнахъ послѣднихъ двухъ столѣтій историческіе примѣры, свидѣтельствующіе о торжествѣ метода, провозглашеннаго Аннибаломъ. Заслуживаютъ полнаго интереса его оригинальные отзывы о наиболѣе прославленныхъ полководцахъ эпохи войнъ XVIII и XIX вѣковъ.

Шагъ за шагомъ Шлиффенъ разсматриваетъ бои 1870—71 гг.

и въ послѣднемъ выпускѣ, заключительномъ, подробно останавливается на сраженіяхъ при Бомонѣ и Седанѣ. Наконецъ, говоритъ онъ, была одержана побѣда, совершенно уподобляющаяся побѣдѣ при Каннахъ. Ни одинъ изъ великихъ полководцевъ послѣднихъ столѣтій не зналъ детального хода этой битвы, но каждому изъ нихъ болѣе или менѣе ясно представлялось, какимъ путемъ былъ достигнуть столь исключительный результатъ.

За всю военную исторію немного можно насчитать подобныхъ сраженій. Для этого нужно, чтобы на одной сторонѣ былъ Аннибалъ, на другой—Терентій Варронъ, оба съ ихъ пониманіемъ, какъ достигнуть великой цѣли.

Аннибалъ долженъ, если не обладать превосходствомъ числа, то понимать, какъ оно достигается. Для этого полководецъ долженъ включать въ себя и Шарнгорста, и Фридриха-Вильгельма I или Вильгельма I, объединившаго въ своихъ рукахъ прочную армію, и Мольтке, сумѣвшаго соединить ее исключительно противъ важнѣйшаго врага, и Фридриха Великаго или Наполеона, которые вели главный ударъ противъ фланга или въ тылъ, наконецъ, того же Фридриха или Мольтке, которые умѣли недостающаго имъ Адзрубала замѣнить естественнымъ препятствіемъ или границей нейтральнаго государства. А весь командный персоналъ долженъ быть проникнутъ духомъ внутренней дисциплины, обученъ своему дѣлу и освѣдомленъ относительно намѣреній своего вождя.

Терентій Варронъ имѣетъ большую армію, но не напрягаетъ своихъ силъ, чтобы ее приумножить и соответственно подготовить. Онъ не сосредоточиваетъ своихъ силъ противъ главнаго врага. Онъ не намѣревается побѣдить превосходствомъ огня съ нѣсколькихъ сторонъ, а озабоченъ противопоставить врагу тяжесть массы, которая глубоко раскалывается при столкновеніи съ болѣе стойкою стороною.

Многія свойства Аннибала и средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ, были присущи также и другимъ полководцамъ. Терентій Варронъ также имѣлъ во всѣ времена школу своихъ послѣдователей. Поэтому, если и считать, что, кромѣ Седана, не было другого совершеннаго повторенія Каннъ, то тѣмъ не менѣе былъ цѣлый рядъ приближающихся къ этому образцу сраженій и таковыя служатъ основными этапами исторіи развитія военнаго искусства.

Въ февральской книжкѣ *Revue des Deux Mondes* политическій обозрѣватель этого журнала *René Pinon* даетъ интересную по своей злободневности статью «*Австрія и Балканская война*».

Событія послѣднихъ дней будто хотять опровергнуть классическій девизъ Австріи: *Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube*—«пусть другіе ведутъ войны, а ты, счастливая Австрія, заключаай браки». Война—это національное ремесло Пруссіи—никогда не служила на благо Австріи. Въ теченіе послѣдняго вѣка всякій разъ, какъ она бралась за оружіе, судьба ей мало благопріятствовала, и, наоборотъ, если она оставалась вѣрною своей мирной миссіи, ей доставались изрядныя бенефиціи. Она потеряла Ломбардію, благодаря Наваррѣ и Кустоцѣ, но она приобрѣла въ 1878 г. Боснію, безъ единого выстрѣла, только какъ слѣдствіе своего искусно подготовленнаго нейтралитета.

Нынѣ вѣнское правительство вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ держитъ всю Европу въ тревогѣ; имперія бряцаетъ оружіемъ; 900.000 человекъ готовы начать походъ; ея армія дрожитъ отъ нетерпѣнія и будто взываетъ къ войнѣ... Что же, въ самомъ дѣлѣ, уляжется ли весь этотъ воинственный шумъ, или онъ дѣйствительно подниметъ Европу на неслыханную по своимъ размѣрамъ борьбу?

Константинополь и Салоники составляютъ двойной узелъ современнаго восточнаго вопроса. Господство или вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ уже давно стремится къ расчлененію. Планы подобнаго расчлененія намѣчаются Вѣною и Петербургомъ уже съ XVIII вѣка. Конвенція 15-го января 1877 г., подготовленная въ іюлѣ 1876 г. при свиданіи въ Рейхштадтѣ, явилась уже началомъ этого раздѣленія, такъ какъ она предоставляла Россіи свободу дѣйствій въ восточной половинѣ полуострова, сохраняя Боснію и Герцеговину вліянію Австріи. Но послѣ берлинскаго трактата Россія была отдѣлена отъ Турціи Румыніей и Болгаріей, которыя стали расти и крѣпнуть. Соприкосновеніе сохранилось только въ Азіи и Чернымъ моремъ. Австрія же осталась непосредственной сосѣдкой Турціи черезъ Новобазарскій санджакъ. Съ тѣхъ поръ между Россіей и Австріей на Балканахъ установились холодныя отношенія. Когда обѣ державы заключили временное соглашеніе, наступилъ періодъ пассивнаго безразличія (соглашеніе 1897 г. и 1903 г. въ Мюрцштегѣ). Напротивъ, между Болгаріей и Австріей, не имѣющими территоріальной смежности, установились хорошія отношенія; Стамбуловъ слѣдовалъ политикѣ освобожденія отъ Россіи и сблизился съ Вѣною. Выборъ принца Фердинанда Кобургскаго въ 1887 г. явился австрійскимъ успѣхомъ и, дѣйствительно, только въ 1896 г. послѣдовало официальное примиреніе между Болгаріей и Россіей.

По мѣрѣ того, какъ Сербія освобождалась отъ экономической зависимости Австріи, по мѣрѣ укрѣпленія ея арміи и династіи, стало расти славянское самосознаніе съ девизомъ «Балканы для Балканскихъ государствъ». Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что прежде

претворенія этой идеи въ реальныя формы, какими явились сербо-болгарское и греко-болгарское соглашенія 1912 г., Болгаріей были приняты мѣры и на всякія иныя случайности. Открыть себѣ выходы сразу по нѣсколькимъ направленіямъ, чтобы броситься туда, гдѣ можно ожидать себѣ наибольшей выгоды,—это всегдашній методъ маленькихъ государствъ, которыя могутъ увлечь собою фортуна, но отнюдь не взять ее силкомъ. Поэтому трудно вѣрится, чтобы Болгарія не освѣдомила, предварительно заключенія балканскаго союза, Австрію, и если послѣдняя этому союзу не препятствовала, то только вслѣдствіе намѣчавшихся для нея выгодъ отъ предпріятія балканскаго союза.

Австрія не вѣрила успѣху союзниковъ, какъ мало кто вѣрилъ ему и вообще въ Европѣ; самое большое, допускалась эфемерная удача болгарскаго оружія. *На этомъ былъ построенъ планъ нынѣшней австрійской политики.* Она имѣла въ виду вмѣшаться въ качествѣ посредницы; войска ея вошли бы въ санджакъ и далѣе въ долину Вардара; миръ былъ бы заключенъ на основѣ автономіи Македоніи и Албаніи. Австрія сохранила бы санджакъ за собою и черезъ него вошла бы въ связь съ Албаніей, подчиняемой ея протекторату; автономная Македонія была бы подъ номинальнымъ главенствомъ Болгаріи, которая гарантировала бы Австріи свободное пользованіе торговыми путями и Салоникскимъ портомъ. Фактически въ Вѣнѣ сосредоточился бы верховный контроль надъ Балканскимъ полуостровомъ. Въдѣ приблизительно то же изображено было въ извѣстномъ предложеніи графа Берхтольда (14-го августа) и то же самое выставлялось въ ультиматумѣ, предъявленномъ Турціи союзниками. Правильность этихъ предположеній подтверждается и всѣмъ поведеніемъ Румыніи. Поѣздка графа Берхтольда въ Синаю въ концѣ августа была предпринята съ цѣлью убѣдить короля Карла сохранить полное спокойствіе до той минуты, когда судьба не предоставитъ обомъ государствамъ случая выгоднаго вмѣшательства.

Словомъ, если нельзя утверждать о существованіи особаго соглашенія между Австріей и Болгаріей, заключеннаго наканунѣ войны, то во всякомъ случаѣ произошло *все такъ*, будто такое соглашеніе имѣло мѣсто....

Австрія имѣетъ на Балканскомъ полуостровѣ значительныя интересы: историческіе и традиціонныя. Въ Австріи не можетъ быть національной политики, по той простой причинѣ, что нѣтъ австрійской національности; есть нѣсколько національностей, входящихъ въ составъ этой имперіи, но ихъ интересы противоположны. Династія и бюрократія создали эту монархію и вмѣстѣ съ арміей и администраціей объединились въ одно цѣлое; поэтому и политика Австріи до сихъ поръ носитъ характеръ *Kabinetspolitik* — кабинетной поли-

тики. Славянская политика для Россіи является политикой національной, для Австріи же это только политика правительства. Подчиненіе себѣ славянъ служить для Австріи средствомъ для постепеннаго движенія на востокъ, и оно осуществляется въ историческомъ строительствѣ этой имперіи. Такъ вошли подъ скипетръ Габсбурговъ кроаты и значительная часть сербовъ, затѣмъ вошла Босно-Герцеговина. Семь милліоновъ сербо-кроатовъ живутъ въ имперіи и только четыре милліона внѣ ея. Какъ можетъ австрійское правительство не питаться надеждою на включеніе подъ болѣе или менѣе прямое владычество Габсбурговъ и этихъ милліоновъ славянъ и, прежде всего, сербовъ? За ними послѣдуютъ и славяне Македоніи; можно подыскать переходныя формы для постепеннаго слиянія различныхъ народовъ подъ скипетромъ федеральной монархіи. Никогда не слѣдуетъ забывать словъ Бисмарка: «естественно, что населеніе бассейна Дуная имѣетъ интересы и цѣли, простирающіеся за предѣлы нынѣшнихъ границъ австро-венгерской монархіи. Способъ, какимъ создалась Германская имперія, указываетъ и путь, которымъ Австрія можетъ достигнуть примиренія политическихъ и матеріальныхъ интересовъ между восточной границей романской расы и морскимъ побережьемъ у Каттаро». Австрійцы хотятъ идти къ Салоникамъ,—и да, и нѣтъ: они никогда не стремились завоевать и подчинить себѣ непосредственно земли между р. Савой и Эгейскимъ моремъ, но они мечтали установить въ этихъ земляхъ, подъ той или другой формой, австрійскій контроль, и въ ожиданіи благоприятнаго момента, когда можно будетъ осуществить свои намѣренія, они старались поддерживать и подогрѣвать турецкую и албанскую анархію. Двадцать лѣтъ Австрія и Германія тайно поддерживали Абдуль-Гамиду въ его пассивномъ сопротивленіи реформамъ, котбрыя требовались и его подданными, и Европою...

Молніеносныя побѣды союзниковъ, потрясеніе оттоманскаго могущества нарушили всѣ расчеты, слутали всѣ предположенія.

Предвидѣніе дипломатовъ и политическихъ людей часто бываетъ очень коротко: ихъ заблужденія почти всегда проистекаютъ оттого, что они вовсе почти не считаются съ моральными факторами. Они хорошо учитываютъ число людей и пушекъ, тоннажъ судовъ, цифры бюджета и налоговъ, но забываютъ, что вѣра выигрываетъ сраженія, и что душа народовъ сказывается въ ихъ великихъ дѣянiяхъ. Для Австріи, которая рассчитывала на длинную кампанію и колеблющіяся успѣхи, быстрота болгарской побѣды была неожиданностью, а сербскій успѣхъ равносильнъ собственному пораженію. Всѣ комбинаціи рухнули; было извѣстно, что Болгарія сильна, но вотъ Сербія, оказалось, возродила свое военное могущество; прежде всего поразительнымъ оказался блестящій успѣхъ мобилизаціи, выставившей въ

нѣсколько дней до 400.000 человекъ подъ знаменами, одѣтыми, обученными, вооруженными; затѣмъ, сознательный и дисциплинированный энтузіазмъ всего народа, подымавшася, какъ одинъ человекъ, на освобожденіе своихъ братьевъ и для величія своей родины; наконецъ, большая и рѣшительная побѣда у Куманова, уничтожившая турецкое владычество въ сѣверной Македоніи; вступленіе въ Ускюбъ; совмѣстное съ черногорцами занятіе санджака; трогательная патріотическая церемонія у могилы царя Лазаря...

Вмѣсто разлагающейся Турціи однимъ ударомъ на Балканахъ создается новая великая держава, для которой формула «Балканы для Балканскихъ народовъ» становится политической дѣйствительностью. Между Эгейскимъ моремъ и австро-венгерскими землями вмѣщается отнынѣ великая Сербія, опирающаяся на грозный союзъ, возбужденная своею побѣдою. Австрія отрѣзывается отъ Македоніи и Албаніи Сербіей подобно тому, какъ Россія отъ Оракин и Константинополя—Болгаріей. Однимъ взмахомъ исторической судьбы неожиданно прерывается традиціонная политика Вѣны; будущность закрывается передъ Австріей. Наносится весьма чувствительный матеріальный вредъ имперіи, насколько она является династической, военной, дипломатической и административной организаціей.

Это было, прежде всего, пораженіе моральное и психологическое. Побѣдителями оказались тѣ самые славяне, презираемые нѣмцами за неспособность къ высшей культурѣ, неискусные въ военномъ дѣлѣ и неприспособленные къ самоуправленію; тѣ самые сербы, которые были предметомъ вѣчныхъ насмѣшекъ для вѣнской бюрократіи. Оуществленіе балканскаго соглашенія доказало, что люди, подобные Миловановичу и Пашичу, были не только смѣлыми патріотами, но и блестящими дипломатами, весьма освѣдомленными государственными людьми; побѣда обнаружила, что не только сербскіе солдаты были храбрыми, но что ихъ офицеры оказались образованными, а генералы—искусными. Побѣда народа въ большой войнѣ есть наиболѣе выразительное свидѣтельство его настоящей цѣнности и его прогресса, потому что совокупность всѣхъ его добродѣтелей и его качествъ даетъ окончательное торжество надъ врагомъ. Отъ этого успѣха сербовъ правительственный міръ и нѣмцы Австріи сразу почувствовали и озлобленіе, и безпокойство. Среди же славянъ, наоборотъ, ликованія становились все осязательнѣе; каждая побѣда союзниковъ отдавалась въ славянскихъ сердцахъ благовѣстомъ о будущемъ величій славянской семьи.

Манифестаціи народныя, военныя, парламентскія, усиливали состояніе общаго кризиса, которымъ охвачена была вся имперія. Диктаторскій правительственный режимъ въ Кроаціи; пререканія въ Львовѣ между поляками и украинцами по поводу основанія украин-

скаго университета; русская пропаганда графа Бобринскаго въ восточной Галліці.... Повсюду въ Австріи безпокойство, недоброжелательство, разжиганіе національныхъ страстей. Къ этому нужно прибавить общій экономическій кризисъ, застой въ дѣлахъ, остановку фабрикъ за закрытіемъ торговыхъ рынковъ на Балканахъ, на Черномъ морѣ, въ Малой Азіи. Невозможность для Венгріи сбыть продукты послѣдняго урожая; повсюду повышеніе цѣнъ и пониженіе денежныхъ запасовъ. Наконецъ, крайне непрочное состояніе высшей власти въ имперіи еще болѣе усугубляло общее смущеніе: бразды правленія еще находятся въ почтенныхъ рукахъ престарѣлаго монарха, но здоровье восьмидесятитрехлѣтняго старца ненадежно, и изрядная часть бремени власти незамѣтно переложена на болѣе молодыхъ плечи наслѣдника. Отсюда двойственность стремленій, надеждъ и опасеній; кто отчаивается заслужить расположеніе будущаго императора, обращаетъ взоры на молодого эрцгерцога Карла-Франца-Иосифа, сына эрцгерцога Оттона, женившася въ прошломъ году, по благословенію папы, на принцессѣ Цитѣ Бурбонь-Пармской и уже имѣющаго сына: четыре живыхъ поколѣнія императоровъ.

Во внѣшнихъ отношеніяхъ также далеко не было спокойно для вѣнскаго правительства. Среди румынъ раскаты побѣдъ союзниковъ вызвали смѣшанное чувство энтузіазма и зависти. Румынія не сумѣла принять участія въ балканскомъ союзѣ съ тѣмъ, чтобы пріобрѣсти законное право на увеличеніе территоріи на счетъ турецкаго наслѣдства въ Европѣ. Она должна поэтому отнынѣ преслѣдовать цѣль исключительно національной политики и по примѣру Болгаріи и Сербіи подготовить объединеніе всѣхъ румынъ подъ одною властью. Отсюда стремленіе къ раздѣлу Австро-Венгріи, гдѣ живетъ три милліона ея единоплеменниковъ, и къ созданію великой Румыніи съ 10 милліоннымъ населеніемъ, чтобы оставаться сильнѣе Болгаріи и Сербіи, увеличившихся на счетъ Турціи. Нужно бросить политику согласія съ Вѣной и Берлиномъ, заключить союзъ съ балканскими государствами, вступить въ ихъ конфедерацію и опереться на Россію, которая только что своевременно напомнила о старомъ братствѣ по оружію 1878 г. Вѣнскій кабинетъ встрепенулся, понявъ, что Австрія можетъ быть брошена Румыніей въ тотъ моментъ, когда Россія будетъ наиболѣе сильно охвачена новымъ взрывомъ славянскихъ чувствъ.

Идеи медленно проникають въ толщу русскаго народа, но, когда онѣ попадутъ туда, онѣ прочно залегаютъ въ немъ; онѣ остаются въ скрытомъ состояніи до той поры, пока событія не заставятъ ихъ обнаружиться со всѣмъ могуществомъ дѣйствія, которое заложено въ нихъ. Это особенно вѣрно по отношенію къ идеѣ славянскаго братства. Святая Русь, наслѣдница Византіи, искренно радовалась болгарскимъ и сербскимъ побѣдамъ. Спустя 35 лѣтъ послѣ Шлевны,

раздавшійся громъ болгарскихъ выстрѣловъ подъ Киркъ-Килиссе быстро докатился до самыхъ глубинъ народа. Послѣдній мужикъ заинтересовался побѣдами своихъ южныхъ братьевъ и не скрывалъ готовности, въ случаѣ надобности, подняться къ нимъ на помощь. Правительство вынуждено было считаться съ охватившимъ общество настроеніемъ и принять извѣстныя военныя мѣры предосторожности. Въ Вѣнѣ это хорошо знали, и въ этомъ еще новый поводъ къ безпокойствамъ и подготовкѣ противъ всякихъ случайностей.

Таково въ крупныхъ чертахъ положеніе австро-венгерской имперіи къ тому моменту, когда побѣды союзниковъ и ихъ стремительное движеніе къ Константинополю, казалось, должны были привести къ немедленной ликвидаціи восточнаго вопроса въ Европѣ. Австрія увидѣла, что возлѣ ея дверей готовится полная перемѣна положенія, которая существеннымъ образомъ задѣнетъ ея самыя кровныя интересы. Образуется могущественная держава на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ послѣдніе два вѣка ея политика встрѣчала только инертную, малостойкую массу. Великая Сербія формируется въ ореолѣ побѣды и грозитъ привлечь къ себѣ сосѣднихъ южныхъ славянъ; славянскій міръ во всемъ своемъ цѣломъ пришелъ въ движеніе. Крушеніе надеждъ на будущее, дѣйствительныя опасенія за настоящее, первые симптомы разложенія у себя внутри, психологическое пораженіе отъ неожиданнаго успѣха сосѣдей—таково нравственное и политическое состояніе, въ каковое повергли Австро-Венгрію военныя событія во Фракіи и Македоніи. Она очутилась въ деликатномъ и опасномъ положеніи Наполеона III въ 1866 г. въ тотъ моментъ, когда онъ увидѣлъ въ лицѣ побѣдоносной Пруссіи неожиданно выросшую на Рейнѣ могущественную державу. Австрія не захотѣла повторить ошибки, въ которой исторія упрекаетъ императора французовъ, и вотъ почему была мобилизована значительная часть ея арміи.

Первыя же рѣшительныя побѣды союзниковъ поселили колебанія у австрійскихъ политическихъ руководителей насчетъ того, какъ воздѣйствовать на балканскія событія. Занятіе санджака послѣ вступленія на его территорію сербскихъ и черногорскихъ войскъ было бы равносильно объявленію войны; между тѣмъ къ ней не были еще готовы. *Видъ весь расчетъ былъ построенъ на ожидавшейся побѣдѣ турокъ.*

Послѣ перваго момента растерянности заработала и австрійская дипломатія, и австрійское военное вѣдомство. Нужно было, во что бы то ни стало, сохранить остатки турецкаго владычества въ Европѣ, чтобы затянуть борьбу и позволить Австріи подготовиться ко всякимъ случайностямъ. Нужно было руководить Румыніей, чтобы она не вышла изъ круга австрійскаго вліянія. Поэтому въ Буха-

рестъ командируется генераль Конрадъ фонъ-Хёпендорфъ, вновь назначенный, послѣ годичной отставки, начальникомъ генеральнаго штаба. Въ результатѣ этой поѣздки Румынія принимается за нѣкоторыя военныя мѣропріятія и готовится выступить съ требованіями о територіальныхъ возмѣщеніяхъ за побѣды союзниковъ.

Графъ Берхтольдъ, оставивъ мысль о занятіи санджака, прилагаетъ всѣ политическія усилія къ созданію, взамѣнъ этой оккупациі, независимой Албаніи. Въ дѣйствительности, «албанская національность» существуетъ въ воображеніи нѣсколькихъ десятковъ арнаутскихъ фантазеровъ. Есть, правда, албанское населеніе, весьма отличное отъ другихъ народовъ, среди которыхъ оно вкраплено, лишенное всякаго чувства національнаго самосознанія и не претендующее само по себѣ на объединеніе въ цѣлое государство. Но для Австріи нужно забить новый клинъ въ готовый сформироваться славянскій организмъ и лучшимъ для этого средствомъ можетъ быть ничто иное, какъ идея объ албанской автономіи.

Уже издавна Австрія преслѣдуетъ въ Албаніи политику своего надъ ней вліянія и экономическаго проникновенія. По силѣ договоровъ, ей принадлежитъ покровительство надъ албанскими католиками, живущими въ горахъ сѣверной Албаніи. Если Албанія, получивъ автономію, сохранитъ надъ собою это покровительство или, по крайней мѣрѣ, союзъ съ Австріей, послѣдняя будетъ въ состояніи обнять Сербію желѣзнымъ обручемъ съ юга. Отъ Каттаро до устья р. Бояны разстояніе не велико и только небольшой участокъ черногорскаго побережья отдѣляетъ крайній южный пунктъ Далмаціи отъ албанскихъ портовъ. Албанія, не представляя собою ни единой организованной націи, ни историческаго государства, не обладаетъ точно очерченными границами; наоборотъ, послѣднія подвержены значительнымъ измѣненіямъ. Албанцевъ можно встрѣтить по всей Македоніи и до самаго Константинополя; во всей Старой Сербіи они злоупотребляли, въ теченіе всего времени турецкаго владычества, правомъ носить оружіе, которое принадлежало имъ, вслѣдствіе ихъ приверженности Исламу, и занимались преимущественно разбоемъ и насилиемъ надъ христіанскимъ сербскимъ населеніемъ. Проводя границы будущей Албаніи, какъ того требуетъ вѣнская печать, она должна была бы включить въ свои предѣлы и часть бассейна Вардара; черезъ Дураццо или Валлону австрійская желѣзная дорога легко была бы проведена въ Монастырь или Салоники. Наконецъ, обладая протекторатомъ надъ Албаніей, Австрія продолжала бы участвовать въ балканской игрѣ національныхъ и политическихъ страстей, чтобы не дать успокоиться старому восточному вопросу.

Вопросъ о сербскомъ портѣ на Адриатикѣ, вопросъ албанской независимости и границъ автономной Албаніи, является тремя по-

слѣдовательными этапами общаго албанскаго вопроса, привлекающаго всю эту зиму вниманіе цѣлой Европы. Районъ, занятый сербами и желательный къ сохраненію за ними въ будущемъ, чтобы обезпечить широкій выходъ къ Адриатическому морю, представляетъ собою сѣверъ Албаніи и является издавна областью преимущественнаго вліянія Австріи. Конечно, надо было ожидать, что Австрія не откажется отъ нея добровольно, такъ какъ здѣсь для нея идетъ рѣчь не столько объ удаленіи Сербіи отъ моря, сколько о сохраненіи недѣлимости будущей Албаніи, которая должна стать проводникомъ ея политики на Балканскомъ полуостровѣ. Она согласна не чинить особыхъ затрудненій сербамъ въ ихъ стремленіи къ торговому выходу къ Адриатикѣ, гарантированному державами, но она отказывается отъ уступки территоріи, которую хотятъ получить сербы. Нынѣ, кромѣ того, австрійская дипломатія энергично сопротивляется намѣреніямъ своего итальянскаго союзника, желающаго видѣть Скутари принадлежащимъ Черногоріи.

Постепенно Австрія добилась того, что Сербія отказалась отъ всякаго территоріальнаго ириобрѣтенія на Адриатикѣ и что принципъ автономной Албаніи признанъ всѣми державами. Остается вопросъ о границахъ будущаго государства. Разрѣшеніе его не могло бы встрѣтить затрудненій, если бы можно было доподлинно знать, что за этимъ настанетъ общее успокоеніе; но секретъ въ продолжающейся борьбѣ въ Австріи двухъ направленій—мирнаго и военнаго, и трудно еще окончательно сказать, какое изъ нихъ возьметъ верхъ.

Война для Сербіи съ австрійцами была бы, конечно, тяжела, но еще неизвѣстно, какова бы она оказалась и для самой Австріи. Если бы сербы стали отступать безъ боя передъ вторгнувшимся къ нимъ съ сѣвера врагомъ въ то время, когда большая часть ихъ силъ находится подъ Адрианополемъ и передъ Чаталджою, и если бы они обратились къ Европѣ за поддержкою, то для австрійцевъ положеніе стало бы достаточно затруднительнымъ. Наоборотъ, если бы сербы рѣшили драться, австрійцы могли бы достигнуть благоприятныхъ результатовъ лишь послѣ изнурительной борьбы, которая стоила бы имъ жестокихъ потерь безъ обезпеченія надежнаго успѣха. И неизвѣстно еще, каковы были бы послѣдствія подобной борьбы для всѣхъ славянъ имперіи и въ частности для боснійскихъ сербовъ, которые подняли въ 1878 г. горную войну, доннынѣ памятную австрійскимъ войскамъ.

Австрійская военная иартія дѣлаетъ крупную ошибку въ предварительныхъ своихъ подсчетахъ, предполагая, что война однимъ взмахомъ разрѣшитъ всѣ трудности, охватившія нынѣ имперію. Если, въ результатѣ войны, сербское королевство войдетъ въ составъ Австро-

Венгрія, какъ о томъ мечтаютъ военная партія, сербскій вопросъ все не разрѣшится для Австріи; онъ лишь изъ внѣшняго обратится во внутренній и станетъ болѣе острымъ и опаснымъ: нельзя кровью задушить многомилліонный народъ, нельзя заглушить и войной національной души.

Но нельзя преувеличивать и опасностей, которыя будто бы грозятъ Австро-Венгріи. На дняхъ въ Прагѣ произошла знаменательная манифестация нѣмцевъ и чеховъ у статуи Радецкого, побѣдителя итальянцевъ. Чехи понимаютъ, что, если они и не удовлетворены тѣмъ мѣстомъ, какое занимаютъ въ имперіи, тѣмъ не менѣе имъ выгоднѣе ее поддерживать. Почти всѣ народы, живущіе на территоріи двуединой монархіи, желаютъ улучшенія ея устройства, но не уничтоженія его основъ. Въ случаѣ войны противъ Сербіи или Россіи, несомнѣнно, будутъ отдѣльныя проявленія сепаратизма и нарушенія государственнаго долга, но армія, въ ея цѣломъ, проникнута этимъ долгомъ; ей неизвѣстенъ патріотизмъ, существующій среди единоплеменныхъ народовъ, но она дышитъ государственнымъ патріотизмомъ, покоящимся на присягѣ своему верховному вождю.

Однако, затрудненія для Австріи могутъ увеличиться, если вѣнскій кабинетъ будетъ продолжать враждебную славянству политику. Австрія не можетъ вести войну противъ славянъ, не открывъ бреши въ собственномъ своемъ имперскомъ сооруженіи. Если она окончательно вооружитъ противъ себя всѣ славянскіе народы, которые живутъ внутри ея и вокругъ нея, всѣ соперники, которые стерегутъ грядущій часъ ея разложенія, объединятся и поведутъ на нее общій натискъ, который рано или поздно увѣнчается успѣхомъ: германскіе нѣмцы, румыны, южные славяне, итальянцы окажутся союзниками при штурмѣ многовѣкового сооруженія Габсбурговъ; по предсказанію историка Альбера Сореля, Австрія замѣнитъ на ложѣ «большого чело-вѣка» мѣсто Турціи, которое опустѣетъ съ окончательнымъ разложеніемъ царства османлисовъ. На очередь историческою судьбою поставленъ будетъ вопросъ австрійскій.

Франція, говоритъ въ заключеніе René Pinon, воодушевлена лучшими намѣреніями по отношенію къ имперіи Габсбурговъ; она нуждается, для сохраненія прочнаго европейскаго равновѣсія, въ сильной Австріи, опирающейся на такое же равновѣсіе и внутри ея, гдѣ каждая національность находитъ вѣрное обезпеченіе своихъ правъ и интересовъ; но нельзя сочувствовать Австріи въ ея завоевательныхъ предпріятіяхъ на счетъ славянъ; въ нихъ кроется дѣйствительная опасность для европейскаго мира. Методъ Бисмарка не приложимъ для Габсбурговъ; насильственная политика пагубна для государства, которое *только государство* и не представляетъ собою

единой націи. Бисмаркъ не понималъ, и въ томъ главный изъянъ его твореній, что въ концѣ концовъ въ исторіи человѣчества самое главное, съ чѣмъ надо считаться, это съ волей народовъ; онъ не стѣснялся ее насиловать, и вотъ сооруженіе, воздвигнутое имъ при посредствѣ берлинскаго конгресса, не замедлило обрушиться.

Австрія хорошо сдѣлаетъ, отказавшись отъ опасныхъ мечтаній балканскаго имперіализма и посвятивъ всю свою энергію укрѣпленію своей внутренней прочности: оно будетъ твореніемъ терпѣнія, успокоенія, гдѣ насиліе отсутствуетъ, такъ какъ оно не создаетъ ни любви, ни довѣрія. Для такой созидательной работы нужно успокаивать, уступать, соединять, связывать: словомъ, нужна политика браковъ. Старый афоризмъ остается вѣрнымъ: «*Tu, felix Austria, nibe!*» — «*Ты, счастливая Австрія, заключай браки!*».

Заграничная журналистика удѣляетъ вообще много мѣста событіямъ на юго-востокѣ Европы и оцѣнкѣ политическихъ вопросовъ, съ ними связанныхъ. Въ февральскомъ выпускѣ «*Revue Politique et Parlementaire*» албанскому вопросу посвящена статья *Gabriel Louis Jaray*. Албанія, говоритъ авторъ, единственная въ Европѣ малоизслѣдованная область: ни ея населеніе, ни ея географія, не изучены вовсе, исключая южной ея части. Автору посчастливилось провести нѣсколько недѣль въ районѣ Коссовской и Дьяковской равнинъ, а также въ гористой области между Старой Сербіей и Адриатикой; онъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ посѣщенныхъ мѣстностей и отъ туземнаго населенія, и дѣлаетъ выводъ о томъ, что представляютъ албанцы въ политическомъ отношеніи.

Если, выпавъ изъ рукъ умирающей Турціи, Албанія попадетъ подъ власть какой-либо изъ адриатическихъ державъ, послѣдняя встрѣтитъ, особенно въ сѣверныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, еще большія затрудненія сравнительно съ тѣми, во власти коихъ было оттоманское правительство. При всякой попыткѣ установить надъ Албаніей болѣе, нежели номинальный, протекторатъ любое правительство наткнется на тѣ же препятствія, что и Турція: нѣкоторыя группы албанцевъ и будутъ, можетъ быть, искать себѣ властителя, но ни единая изъ нихъ не проявитъ готовности принять къ себѣ господина; въ минуту бѣдствій она будетъ взывать о покровителѣ, но не о властителѣ.

До войны тщеславные албанцы считали, что предѣлы Албаніи должны распространиться на большую часть Македоніи: албанская колонизація завоевала Старую Сербію, но побѣды союзниковъ убили

въ зародышѣ этотъ проектъ, имѣвшій шансы осуществиться въ ближайшія 50 лѣтъ, если имѣть въ виду успѣхъ албанскаго распространенія за послѣднюю четверть вѣка. Албанцы, сошедшіе съ горъ, должны будуть вернуться, но тамъ они вполнѣ у себя дома. Они населяютъ безъ всякой посторонней примѣси область, ограниченную на западѣ моремъ, на сѣверѣ черногорской границей и равниной Дьяково, на востокѣ—линей горъ, проходящей недалеко отъ Гостивара и Охридскаго озера, на югѣ—рѣкой Вокюсса и Валонскимъ заливомъ. Въ этомъ районѣ Турціи живетъ одна изъ наиболѣе чистыхъ европейскихъ расъ, родственная галламъ, съ характернымъ физическимъ типомъ и съ весьма живымъ албанскимъ національнымъ чувствомъ. Нація, издавна забравшаяся на свои горы, численностью около 1—1½ миллионъ энергичныхъ сыновъ, весьма рѣшительныхъ и имѣющихъ за собою независимое и безпокойное прошлое.

Подчинить это населеніе силою невозможно; нужно десять лѣтъ войны гверильсовъ. Нужно оставить албанцевъ жить въ автономной Албаніи и ввести ее въ составъ балканскаго союза; сумѣли же примириться между собою вѣчные враги, какими были греки и болгары; то же самое должно произойти и между столь постоянными недругами, какъ сербы и албанцы.

Въ томъ же журналѣ подполковникъ *Paul Renard*, въ статьѣ «Что дѣлаетъ военное воздухоплаваніе во Франціи», даетъ очеркъ развитія его во Франціи послѣ изданія закона 29-го марта 1912 г., ассигновавшаго кредитъ въ 22 миллионъ франковъ на нужды воздухоплаванія. Попутно онъ высказываетъ соображенія и о дальнѣйшемъ его направленіи.

Авторъ подтверждаетъ, что число несчастныхъ случаевъ съ авіаторами уменьшилось за время съ послѣдней весны. Если не уменьшилось абсолютное число жертвъ, то въ значительной пропорціи увеличилось число сдѣланныхъ аэропланомъ километровъ, приходящихся на одно паденіе. Въ теченіе 1908 г., за весь годъ покрыто было разстояніе въ воздухѣ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ километровъ; въ теченіе же одного апрѣля прошлаго года, только въ одной Франціи, принимая въ расчетъ лишь полеты военныхъ аэронавтовъ и не считая тѣхъ, которые не достигли разстоянія въ 100 километровъ, въ общемъ покрыто было 15.000 километровъ, т. е. въ одинъ мѣсяць только одной частью авіаторовъ сдѣлано было полетовъ въ 5—6 разъ болѣе, нежели четыре года тому назадъ авіаторами всего свѣта въ теченіе пѣлаго года.

Число жертвъ далеко отъ роста въ той же пропорціи. Но среди печальныхъ происшествій необходимо различать двѣ категоріи: случаи неизбѣжныя и случаи, конхъ можно было избѣжать. Ко второй категоріи относится до 70⁰/₁₀₀ всего числа катастрофъ, т. е. ничего болѣе не избрѣтая, а лишь принимая нужныя мѣры предосторожности, можно было бы сократить число несчастныхъ случаевъ на $\frac{2}{3}$. Достаточно для этого выбирать пилотовъ, обладающихъ способностью методически изучать причины воздушныхъ катастрофъ; затѣмъ необходимо предостерегать ихъ отъ чрезмѣрнаго увлеченія быстротою и отъ соблазновъ виртуозности. Необходимо также избѣгать грубыхъ ошибокъ въ конструкціи аэроплановъ.

Въ 1910 г. впервые аэропланы были примѣнены на маневрахъ, но это были отдѣльные аппараты, дѣйствовавшіе въ качествѣ добровольцевъ. Въ 1911 г. уже были воздушныя эскадрильи ²⁾, но связь и однотипность оставляли желать еще многого. Въ 1912 г. воздушныя тактическія единицы были уже такъ хорошо организованы, такъ цѣльны и налажены для маневрированія въ воздухѣ, какъ нѣхотный баталіонъ и батарея на мѣстности. Главная особенность большихъ французскихъ маневровъ 1912 г. во Франціи заключалась въ участіи военной авіаціи, какъ вполне организованнаго новаго рода войскъ. Нынѣ нужно заняться улучшеніемъ этой организаціи въ подробностяхъ; въ общемъ же она не оставляетъ пока желать ничего лучшаго.

Въ заключеніе авторъ высказывается о незаслуженномъ пренебреженіи, какимъ продолжаетъ во Франціи пользоваться дирижабль, и настаиваетъ на большемъ къ нему вниманіи въ ближайшемъ будущемъ.

Послѣдніе выпуски вѣнскаго журнала «*Streffleurs Militärische Zeitschrift*» не блещутъ богатствомъ содержанія своихъ статей. Подробно разсматривается новѣйшій военный законъ 1912 г. и сравнивается съ дѣйствовавшимъ до него. Удѣляется мѣсто воспоминаніямъ о военныхъ событіяхъ сто лѣтъ тому назадъ. Приводится докладъ фельдмаршаль-лейтенанта *Meixner v. Zweienstamm* объ управленіи на театрѣ войны и на полѣ сраженія въ Русско-японскую войну 1904—1905 гг., на основаніи нѣмецкаго перевода в. Tettau официальной нашей исторіи объ этой войнѣ.

²⁾ См. Обзоръ иностранныхъ военныхъ журналовъ въ «Военномъ Сборникѣ» 1913 г. за февраль, стр. 217—221—обзоръ статьи лейтенанта *Vallet*: «Военная авіація въ 1912 г.—Ея роль въ современной войнѣ». («*Journal des sciences militaires*» 1913 г., январь).

Генераль *Schmidt*, начальникъ 11-й пѣхотной дивизіи и капитанъ *Veltzé*, въ статьѣ «*Служба связи въ боевомъ порядкѣ пѣхотнаго полка*», излагають на опредѣленномъ примѣрѣ организацію этой службы.

Въ февральской книжкѣ «*Jahrbücher für die deutsche Armee und Marine*» подполковникъ запаса *Von Eichert* сравниваетъ въ статьѣ «*Подготовка офицерскаго запаса*» постановку этого дѣла въ разныхъ европейскихъ арміяхъ.

Существуетъ въ общемъ три вида такой подготовки.

1) Подготовка исключительно въ школахъ, куда поступаютъ кандидаты на будущихъ офицеровъ, безъ предварительной практической службы, каковая впервые получается уже въ офицерскомъ званіи.

2) Подготовка сначала ведется въ школахъ, гдѣ кандидаты должны выдержать офицерскій экзаменъ. Послѣ экзамена они проходятъ службу въ войскахъ въ нижнемъ званіи прежде, чѣмъ послѣдуетъ производство въ офицеры.

3) Кандидаты сначала несутъ практическую службу, послѣ которой слѣдуетъ школьная подготовка къ офицерскому званію и экзаменъ на него.

Авторъ особенно возстаетъ противъ исключительно школьной подготовки будущихъ офицеровъ, указывая при этомъ на то, что даже во Франціи отказались отъ такого способа образованія своихъ офицеровъ. Молодымъ офицерамъ, которые предварительно въ нижнемъ званіи не прошли военной службы на практикѣ, недостаетъ прежде всего правильнаго пониманія чувствъ и мыслей въѣремыхъ ихъ поведеніямъ и заботамъ нижнихъ чиновъ.

Нужно, однако, замѣтить, что авторъ въ своемъ изслѣдованіи не проводитъ рѣзкой грани между двумя главными категоріями офицеровъ современной арміи: офицеровъ постоянного состава—офицеровъ по призванію, избравшихъ военную службу своей жизненной карьерой, и офицеровъ запаса, резервныхъ офицеровъ, которые будутъ призваны для выполненія своихъ офицерскихъ обязанностей только съ объявленіемъ мобилизаціи арміи. Въ подготовкѣ этихъ двухъ группъ офицерскаго состава должна существовать разница. Авторъ же смѣшиваетъ ихъ подготовку и потому выводы его далеко не отличаются осторожностью.

Въ томъ же выпускѣ — «*Мысли объ усиленіи нѣмецкихъ вооруженныхъ силъ*» капитана *Tornow'a*. Германскіе военные круги доби-

ваются возможности расширенія кадровъ постоянной арміи до такихъ предѣловъ, чтобы ежегодный контингентъ, поступающій на ея укомплектованіе, могъ поглотить весь тотъ избытокъ военно-обязанныхъ призывного возраста, который теперь остается почти за флагомъ дѣйствительной службы, получая лишь кратковременную подготовку и составляя, такъ называемый, запасъ новобранцевъ—Ersatzreserve. Какъ извѣстно, къ этому ведетъ предстоящій новый военный законъ Германіи, имѣющій въ виду чрезвычайныя ассигнованія въ миллиардъ марокъ. Авторъ изощряется въ практическихъ комбинаціяхъ использованія этого запаса, оставаясь въ предѣлахъ нынѣшняго военнаго бюджета. Онъ останавливается на уменьшеніи срока дѣйствительной службы до 1¾ года въ пѣхотѣ и полевой артилеріи съ тѣмъ, чтобы на счетъ этого уменьшенія можно было увеличить размѣръ годового призыва. Въ связи съ этимъ указывается на возможность досрочнаго увольненія въ запасъ *черезъ годъ службы* тѣхъ нижнихъ чиновъ, кои этого заслуживаютъ своимъ отличнымъ поведеніемъ и примѣрнымъ выполненіемъ своихъ обязанностей; взаимно увольняемыхъ, пріемъ изъ запаса новобранцевъ; наконецъ, дальнѣйшее расширеніе пріема одногодичныхъ вольноопредѣляющихся.

Подготовка роты въ 1¾ года нисколько не уступаетъ 2-лѣтней, пишетъ авторъ, и приводитъ слѣдующее распределеніе времени для такой подготовки:

- 1) Трехмѣсячное первоначальное военное образованіе рекрута
- 2) По возможности, два четырехнедѣльных упражненія въ составѣ роты.
- 3) Лѣтній сборъ, включая и выполненіе полевой службы.
- 4) Дважды пройденный курсъ учебной стрѣльбы.
- 5) Одна или двѣ боевыя стрѣльбы въ составѣ крупныхъ тактическихъ соединеній.
- 6) Участіе одинъ или два раза въ большихъ маневрахъ.

Такая программа можетъ быть достигнута при пріемѣ новобранцевъ въ войска въ началѣ января и при увольненіи старшаго срока службы, какъ и теперь, по окончаніи осеннихъ маневровъ.

Въ двухъ послѣднихъ выпускахъ «*Revue Militaire Générale*» съ увлеченіемъ написана статья *Moineville'a*—«*О современномъ офицерѣ. Чего ему не достаетъ. Какъ это ему возмѣститъ*». Нынѣшній французскій офицеръ проводитъ въ мирѣ часто всю свою военную карьеру, нерѣдко даже въ одномъ гарнизонѣ; только изучаетъ свое дѣло, безъ дѣйствительной боевой провѣрки. Судьба выработы-

ваецъ изъ него, такимъ образомъ, посредственнаго воина, котораго ничто не закаляетъ въ суровыхъ условіяхъ боевой дѣятельности и не даетъ ему настоящаго опыта къ усвоенію обязанностей и отвѣтственности командованія. Его спеціальная подготовка, опирающаяся на лучшія теоретическія основы, лишена самаго дѣйствительнаго—*боевою контроля*. Его нравственная обстановка, безупречная въ общежитейскихъ отношеніяхъ, даетъ мало практики для тѣхъ душевныхъ проявленій, которыхъ потребуеетъ отъ него война. Таковы условія службы современныхъ офицеровъ и устранить или, по крайней мѣрѣ, ослабить невыгодныя ихъ стороны возможно введеніемъ въ службу офицера *обязательнаго участія* въ тѣхъ походахъ или экспедиціяхъ, которыя Франція ведетъ въ своихъ внѣевропейскихъ владѣніяхъ.

Люди дѣла, какими являются офицеры по преимуществу, должны въ живой дѣятельности искать отвлеченія отъ пустыхъ умозаключеній, отъ бесплодныхъ словесныхъ споровъ, отъ предвзятыхъ мнѣній, отъ вредной игры воображенія. Далекій отъ того, чтобы истощиться въ жизни, лишенной тяжелыхъ трудовъ и утомленія, умъ питается всѣмъ, что онъ можетъ извлечь изъ окружающей среды; изъ нея онъ вбираетъ въ себя силы положительныя или инныя. Нужно всѣми средствами стремиться создать современному офицеру обстановку жизни и службы, изъ которыхъ онъ черпалъ бы соки для культивированія душевныхъ свойствъ, наиболѣе ему нужныхъ по принятымъ на себя высокимъ обязательствамъ.... И авторъ затрагиваетъ не разъ уже подымавшійся во французской арміи вопросъ объ обязательномъ проведеніи каждаго офицера дѣйствительной службы черезъ колониальную службу въ теченіе опредѣленнаго срока.

С. Добропольскій.

«Rivista militare italiana» 1912 г. Ноябрь.

Въ статьѣ, озаглавленной «Разсужденіе по вопросамъ тактики пѣхоты», полковникъ Е. Bertotti излагаетъ слѣдующія мысли:

Тактика пѣхоты, какъ и всѣ вообще человѣческія теоріи, испытываетъ съ теченіемъ времени колебанія, не измѣняя, однако, своей сущности. Оставляя въ сторонѣ событія, имѣвшія мѣсто въ давнія времена, авторъ начинаетъ свою статью изслѣдованіемъ колебаній тактики со второй половины минувшаго столѣтія, и обра-

щаетъ особое вниманіе на согласованіе движенія съ огнемъ въ цѣляхъ, какъ достиженія большаго успѣха въ пораженіи непріятеля, такъ и уменьшенія собственныхъ потерь.

Опыты бывшихъ войнъ заставили обратить вниманіе на необходимость совмѣстнаго изученія указаній, какъ техническаго, такъ и нравственнаго характера, и выяснили также истинность основныхъ принциповъ тактики, остающихся неизмѣнными по существу, хотя и получающихъ разнообразныя проявленія въ зависимости отъ различныхъ средствъ, примѣняемыхъ въ бою. Возросшія дальность, быстрота и мѣткость стрѣльбы весьма увеличили разстояніе, съ котораго начинается тактическое движеніе пѣхоты, имѣющее цѣлью сближеніе съ непріятелемъ на полѣ сраженія, и, сдѣлавъ необходимымъ исполненіе этого движенія съ большею быстротою, тонкими строями, укрыто отъ непріятеля, не измѣнили сущности принципа, состоящаго въ томъ, что, не говоря объ ударѣ въ штыки, пѣхота рѣшаетъ участь боя посредствомъ наступленія и огня, надлежащимъ образомъ между собою согласованныхъ, и потому наступательный образъ дѣйствій есть единственный, могущій вести къ побѣдѣ. Французскія войска, закаленные въ африканскихъ бояхъ и въ высшей мѣрѣ проникнутыя духомъ наступленія, выстраивались въ 1859 г. для атаки въ баталіонныя колонны, но высылали, при этомъ, стрѣлковыя цѣпи, которыя слѣдовали впереди колоннъ и подготовляли имъ путь своимъ огнемъ. Это и было, въ зачаточномъ состояніи, взаимное согласованіе движенія, огня и удара, не всѣми въ то время понятое.

Австрійцы объяснили успѣхъ французовъ почти исключительно построеніемъ въ колонны, и за это очень дорого заплатили въ 1866 г. въ Богеміи. Напротивъ того, пруссаки дали тутъ прикрытію стрѣлковыми цѣпями очень большое развитіе, и эти послѣднія, стрѣлая по наступающимъ австрійскимъ колоннамъ съ близкихъ дистанцій, заставляли ихъ нести значительныя потери.

Неудачи австрійскихъ атакъ, доказавшія преимущество наступленія въ тонкихъ построеніяхъ по сравненію съ наступленіемъ въ колоннахъ, привели французовъ къ выводу, будто бы фронтальная атака позиціи представляетъ, при современномъ оружіи, операцію въ такой мѣрѣ трудно исполнимую, что является необходимость дать оборонѣ преимущество передъ атакою. Этотъ ложный взглядъ нашелъ мѣсто во французскихъ тактическихъ инструкціяхъ, подавляя въ войскахъ ихъ наиболѣе драгоцѣнныя нравственныя качества, составляющія главнѣйшій факторъ побѣды. Движеніе и ударъ были почти оставлены; огонь вошелъ въ особую честь; на усовершенствованіе оружія обращено исключительное вниманіе; залповый огонь получилъ, на основаніи полигонныхъ опытовъ, примѣненіе въ обшир-

ныхъ размѣрахъ; нравственныя качества человѣка отступили на второй планъ.

Наша турецкая война выяснила, что огонь, неподдержанный рѣшительною атакою, не даетъ окончательныхъ результатовъ и что цѣни лишь готовятъ своимъ огнемъ путь къ удару, передъ которымъ строи постепенно сгущаются, а огонь и движеніе при наступленіи чередуются до возможно близкаго разстоянія отъ непріятеля. Этотъ принципъ установленъ Скобелевымъ и принятъ, затѣмъ, уставами всѣхъ почти европейскихъ армій. Наконецъ, наша японская война вполне подтвердила, что побѣды надъ врагомъ пѣхота достигаетъ не иначе, какъ совокупностью движенія, огня и удара, и что одно какое-либо изъ этихъ средствъ можетъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Отсюда вытекаетъ для пѣхоты необходимость постоянного обращенія въ свою пользу выгодныхъ мѣстныхъ условій и наступленія широкимъ фронтомъ цѣпями въ предѣлахъ дѣйствительнаго артилерійскаго огня. Протяженіе фронта и густота построенія, находясь другъ отъ друга во взаимной зависимости, измѣняются по мѣрѣ приближенія къ непріятелю, и построенія передъ ударомъ сгущаются. Уменьшеніе потерь достигается при этомъ уже не разрѣженностью цѣпей, а быстротою движенія, пользованіемъ выгодами мѣстности и устройствомъ закрытій. Эти послѣднія нисколько не уменьшаютъ, однако, въ пѣхотѣ ея стремленія впередъ и покидаются ею безотлагательно, какъ только наступленіе становится по силѣ огня возможнымъ.

Военная литература всѣхъ странъ переполнена изслѣдованіями указаній нашей послѣдней войны, но главнымъ образомъ лишь въ отношеніи построеній и огня; лишь очень немногіе писатели дали совокупныя изслѣдованія этихъ факторовъ съ нравственнымъ состояніемъ сторонъ, между тѣмъ какъ нравственный элементъ пѣхоты получаетъ именно въ современныхъ бояхъ все большее значеніе. Выписавъ, затѣмъ, дословно выводы Богуславскаго, Ланглюа и Нпсселя изъ указаній войнъ франко-прусской, южно-африканской и нашихъ войнъ съ Турціей и Японіей, авторъ выясняетъ, что всѣ эти войны согласно указываютъ на необходимость болѣе разрѣженныхъ построеній безъ уменьшенія числа стрѣлковъ и силы огня; различаются же между собой лишь мѣры и способы примѣненія этого принципа.

Переходя, затѣмъ, къ операціямъ, исполняемымъ наступающею пѣхотою для сближенія съ непріателемъ, авторъ распредѣляетъ такковыя по двумъ различнымъ зонамъ: первой, отъ линіи развертыванія, опредѣляемой досягаемостью непріятельской артилеріи и мѣстными условіями, до предѣла дѣйствительной ружейной стрѣльбы, и

второй, отъ послѣдняго предѣла до линіи, занятой цѣпями противника. Первую зону пѣхота проходитъ безъ стрѣльбы и потому испытываетъ впечатлѣнія боя, не поражая непріятеля; къ потерямъ отъ артилерійскаго огня присоединяется тутъ напряженіе нервовъ и упадокъ нравственныхъ силъ, какъ послѣдствіе ожиданія опасности, а затѣмъ и физическое утомленіе; она можетъ быть названа зоною ощущеній. Во второй зонѣ потери увеличиваются, но нервное напряженіе въ активности боя ослабѣваетъ, какъ равно и ощущеніе опасности; эту зону авторъ называетъ зоною дѣйствія и раздѣляетъ на два отдѣла: дальній—отдѣлъ болѣе спокойной и мѣткой стрѣльбы, и ближній, когда ощущеніе опасности вновь овладѣваетъ стрѣлкомъ, и стрѣльба теряетъ всякую мѣткость съ обѣихъ сторонъ.

Превосходство силъ на рѣшительномъ пунктѣ сохраняетъ и нынѣ прежнее свое значеніе и важность; разница лишь въ томъ, что прежде масса формировалась вдали и бросалась уже готовою на рѣшительный пунктъ, теперь же силы двигаются въ разрѣженныхъ построеніяхъ и концентрируются постепенно, подходя къ линіи, откуда идутъ въ атаку.

На линію ружейной стрѣльбы баталіонъ вступаетъ, имѣя двѣ роты въ первой линіи и двѣ во второй. Эти послѣднія вливаются въ первую линію, пополняя убыль и ступая построеніе. Чтобы стрѣлокъ могъ съ удобствомъ дѣйствовать ружьемъ и устроить себѣ, если нужно, закрытіе, онъ долженъ имѣть по линіи огня не менѣе 1 метра пространства, а потому на баталіонъ, имѣющій въ первой линіи 2 роты, надо считать по фронту 400 метровъ. Въ зонѣ ощущеній фронтъ можетъ имѣть, конечно, гораздо большія протяженія.

По достиженіи пѣхотою предѣла дѣйствительной ружейной стрѣльбы, дальнѣйшее наступленіе происходитъ въ зонѣ дѣйствія, соображаясь съ огнемъ какъ артилерійскимъ, такъ и ружейнымъ, причемъ необходимо должны быть использованы всѣ выгоды, которыя можетъ предоставить мѣстность. Взаимное содѣйствіе артилеріи и пѣхоты и отдѣльныхъ частей другъ другу пріобрѣтаетъ въ этой зонѣ наибольшую важность, такъ какъ однѣ части совершаютъ тутъ перебѣжки въ то время, когда другія производятъ стрѣльбу, заставляя противника укрываться и уменьшая дѣйствительность его огня. Чередуя стрѣльбу, съ перебѣжками, части достигаютъ положенія, съ котораго бросаются въ штыки.

Итальянскія офиціальныя инструкціи указываютъ на необходимость совершать перебѣжки возможно большими частями во избѣжаніе замедленія наступленія. Къ этому авторъ добавляетъ еще, что перебѣжка мелкими группами не производитъ на противника нравственнаго впечатлѣнія, что послѣдній можетъ сосредоточивать на

последовательно перебѣгающихъ группахъ болѣе сильный огонь; что открытіе огня сразу большою частью способствуетъ достиженію лучшихъ результатовъ.

Въ лекціи, читанной офицерамъ римскаго гарнизона и въ неапольскомъ офицерскомъ собраніи и озаглавленной «Тайна побѣды», лекторъ, маіоръ Ferrado Logenzo, высказалъ слѣдующее:

Отъ силы духа и доблести войскъ побѣда зависитъ больше, нежели отъ боевыхъ порядковъ и построеній. Инстинктъ самосохраненія проявляется во время боя съ тѣмъ большею силою, чѣмъ разрушительнѣе средства борьбы и больше опасность смерти. Если чловѣкъ подчинится этому инстинкту, а затѣмъ и страху, то мало принесутъ пользы дѣлу самыя умныя распоряженія и самыя строгія наказанія. Исходя изъ вышеизложеннаго, лекторъ пришелъ къ выводу, что задача побѣды сводится къ нижеслѣдующему: «для даннаго народа и даннаго историческаго періода найти средства, которыя могли бы воодушевить его чувствами, способными перевѣсить и подавить въ немъ чувство самосохраненія».

Дѣйствія той или другой націи обусловливаются ея идеями, чувствами, обычаями и вообще тѣмъ, что въ совокупности составляетъ душу націи. Лишь зная пути, коими образуется и преобразовывается коллективная душа послѣдней, можно рѣшить вопросъ—способна ли она къ измѣненію соотвѣтственно требованіямъ того или другого историческаго момента, и какими средствами это можетъ быть достигнуто. Много было споровъ о томъ, сила ли ума или характера должна быть признаваема главнымъ факторомъ величія народа; нѣкоторые писатели склонны ставить силу ума на первое мѣсто, указывая на то, что ей обязана цивилизація своимъ прогрессомъ, но они упускаютъ изъ виду, какъ горько народы, двигающіе впередъ цивилизацію, оплакиваютъ иногда послѣдствія недостатка характера.

Изложивъ, затѣмъ, историческіе факты, выясняющіе вліяніе на духовныя силы войскъ идеаловъ религиозныхъ, политическихъ и социальныхъ, а также значеніе великихъ полководцевъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что находили въ себѣ силу подавлять инстинктъ самосохраненія и обезпечивали себѣ побѣду тѣ войска, которыя дѣйствовали подъ вліяніемъ чувствъ, порожденныхъ либо великими идеалами, либо обаяніемъ гениальныхъ полководцевъ; что величайшіе подвиги совершались не арміями, составлявшими особыя касты, а народами, взявшимися за оружіе для защиты высшаго своего достоянія; что на современныя арміи геній полководца не можетъ имѣть столь же сильнаго вліянія, какъ на прежнія малыя арміи.

Кромѣ этого напечатаны въ обзорѣваемомъ выпускѣ нижеслѣдующія статьи:

Carlo Podesta съ перечнемъ правилъ и изреченій Макиавелли, сохранившихъ до сихъ поръ свою полную цѣну.

Капитана Emilio Salaris по поводу статьи Giorgio Enrico Levi, помѣщенной въ предыдущемъ выпускѣ.

Начата статья капитана Rossi Arturo объ операціяхъ пѣхоты на очень пересѣченной мѣстности.

Помѣщено продолженіе статьи капитана Giovanni Lanfranchi.

Окончены статьи капитана G. B. Foschini, Clandio Sforza и капитана Salvatore Pagano.

В. Н.

